UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324361 5

Kuprin, Aleksandr Ivanovich
Chernaia molniia

PG
3467
K8C4

А. И. КУПРИНЪ.

Kuprin, Aleksandr Ivanovich

А. И. Купринъ.

Chernaia molniia

ЧЕРНАЯ МОЛНІЯ.

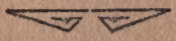
РАЗСКАЗЪ.

1913.

КЛЭ, 3, 910
3

PG
3467
K8 C4

Черная молнія.



Я теперь не сумѣю даже припомнить, какое дѣло или какой капризъ судьбы забросили меня на цѣлую зиму въ этотъ маленькій сѣверный русскій городишко, о которомъ учебники географіи говорятъ кратко: «уѣздный городъ такой-то», не приводя о немъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Очень недавно провели близъ него желѣзную дорогу изъ Петербурга на Архангельскъ, но это событіе совсѣмъ не отразилось на жизни города. До станціи можно добраться только глубокой зимою, когда замерзаютъ непролазныя болота. А, главное, изъ города нечего везти въ столицу и некому и незачѣмъ туда ѣхать. Такъ и живетъ городишко въ сонномъ безмолвіи, въ мирной неизвѣстности безъ ввоза и вывоза, безъ добывающей и обрабатывающей промышлен-

ности, безъ памятниковъ знаменитымъ согражданамъ, со своими шестнадцатью церквами на пять тысячъ населенія, съ досчатыми тротуарами, со свиньями, коровами и курами на улицѣ, съ неизбѣжнымъ пыльнымъ бульваромъ на берегу извилистой несудоходной и безрыбной рѣченки Ворожи,— живетъ зимою заваленный снѣжными сугробами, лѣтомъ утопающій въ грязи, весь окруженный болотистымъ, корявымъ и низкорослымъ лѣсомъ.

Ничего здѣсь нѣтъ для ума и для сердца: ни гимназіи, ни библіотеки, ни театра, ни живыхъ картинъ, ни концертовъ, ни лекцій съ волшебнымъ фонаремъ. Самые плохіе бродячіе цирки и масленичные балаганы обѣгаютъ этотъ городъ, и даже невзыскательный петрушка проходилъ черезъ него послѣдній разъ шесть лѣтъ тому назадъ, о чемъ до сихъ поръ жители вспоминаютъ съ умиленіемъ.

Разъ въ недѣлю, по субботамъ, бываетъ въ городкѣ базаръ. Съѣзжаются изъ окрестныхъ дикихъ деревнюшекъ полтора десятка мужиковъ съ картофелемъ сѣномъ и дровами, но и они, кажется, ничего не про-

дают и не покупают, а торчат весь день около казенки, похлопывая себя по плечам руками, одетыми въ кожаныя желтыя рукавицы. А, возвращаясь пьяные ночью домой, часто замерзают по дорогѣ, къ немалой прибыли городского врача.

Здѣшніе мѣщане—народъ богобоязненный, суровый и подозрительный. Чѣмъ они занимаются и чѣмъ живутъ—уму непостижимо. Лѣтомъ еще кое-кто изъ нихъ копошится около рѣки, сгоняя лѣсъ плотами внизъ по теченію, но зимнее ихъ существованіе таинственно. Встаютъ они поздно, позднѣе солнца, и цѣлый день глазѣютъ изъ оконъ на улицу, отпечатывая на стеклахъ бѣлыми пятнами сплющенные носы и разляпанныя губы. Обѣдаютъ, по православному, въ полдень, и послѣ обѣда спятъ. А въ семь часовъ вечера уже всѣ ворота заперты на тяжелые желѣзные засовы, и каждый хозяинъ собственноручно спускаетъ съ цѣпи стараго, злого, лохматаго и сѣдомордаго, осиплаго отъ лая кобеля. И храпятъ до утра въ жаркихъ, грязныхъ перинахъ, среди горъ подушекъ, подъ мирнымъ сіяніемъ цвѣтныхъ лампадокъ. И дико орутъ во снѣ отъ страшныхъ кошмаровъ и, проснувшись,

долго чешутся и чавкаютъ, творя спеціальную молитву противъ домового.

Про самихъ себя обыватели говорятъ такъ: въ нашемъ городѣ дома каменные, а сердца желѣзныя. Старожилы же изъ грамотныхъ, не безъ гордости, увѣряютъ, что именно съ ихъ города Николай Васильевичъ Гоголь списалъ своего «Ревизора». «Покойный папашка Прохоръ Сергѣича самолично видѣлъ Николая Васильевича, когда они проѣзжали черезъ городъ». Здѣсь всѣ зовутъ и знаютъ только по именамъ и отчествамъ. Если скажешь извозчику: «Къ Чурбанову (мѣстный Мюръ-Мерилизъ) гривенникъ»—онъ сразу остолбенѣетъ и, точно внезапно проснувшись, спроситъ: «Чего?—Къ Чурбанову, въ лавку, гривенникъ.—А-а! къ Порфиръ Алексѣичу. Пожалуйте, купецъ, садитесь».

Здѣсь есть городскіе ряды — длинный деревянный сарай на Соборной площади, со множествомъ неосвѣщенныхъ, грязныхъ клѣтушекъ, похожихъ на темныя поры, изъ которыхъ всегда пахнетъ крысами, кумачемъ, дубленными овчинами, керосиномъ и душистымъ перцемъ. Въ огромныхъ волчьихъ шубахъ и прямыхъ теплыхъ картузахъ,

сѣдобородые, тучные и важные, сидятъ лавочники, всѣ эти жестокіе Модесты Никанорычи и Доремидонты Никифорычи, снаружи своихъ лавокъ, на крылечкахъ, тянутъ изъ блюдечка жидкій чай и играютъ въ шашки, въ поддавки. На случайнаго покупателя они глядятъ, какъ на заклятаго врага: «эй, мальчикъ, отпусти этому». Покупку ему не подаютъ, а швыряютъ на прилавокъ, не завернувши, и каждую серебряную, золотую или бумажную монету такъ долго пробуютъ на ощупь, на свѣтъ, на звонъ и даже на зубъ, и притомъ такъ пронзительно и ехидно на тебя смотрятъ, что невольно думаешь: «а, вѣдь, сейчасъ позоветъ, подлецъ, полицію».

Зимою, по праздникамъ, послѣ обѣда, этакъ, ближе къ вечеру, на главной Дворянской улицѣ происходитъ купеческое катанье. Вереницей, одинъ за другимъ, плывутъ сѣрые въ яблокахъ огромные пряничные жеребцы, сотрясаясь ожирѣлыми мясами, екая на всю улицу селезенками и громко гогоча. А въ маленькихъ санкахъ сидятъ торжественно, какъ буддійскія изваянія, въ праздничныхъ шубахъ купецъ и купчиха—такіе объемистые, что ихъ зады

свѣшиваются съ сидѣнья и по лѣвую, и по правую сторону. Иногда же, нарушая это чинное движеніе, вдругъ пронесется галопомъ по улицѣ, свистя и гикая, купеческій сынъ Ноздруновъ въ нарядной кучерской поддевкѣ, съ боярской шапкой набекрень, краса купеческой молодежи, побѣдитель дѣвичьихъ сердецъ.

Живетъ здѣсь малая кучка интеллигентовъ, но всѣ они вскорѣ по прибытіи въ городъ поразительно быстро опускаются, много пьютъ, играютъ въ карты, не отходя отъ стола по двое сутокъ, сплетничаютъ, живутъ съ чужими женами и съ горничными, ничего не читаютъ и ничѣмъ не интересуются. Почта изъ Петербурга приходитъ иногда черезъ семь дней, иногда черезъ двадцать, а иногда и совсѣмъ не приходитъ, потому что везутъ ее длиннымъ кружнымъ путемъ, сначала на югъ, на Москву, потомъ на востокъ, на Рыбинскъ на пароходѣ, а зимою на лошадяхъ и, наконецъ, тащатъ ее опять на сѣверъ двѣсти верстъ по лѣсамъ, болотамъ, косогорамъ и дырявымъ мостамъ пьяные, сонные, голодные, оборванные ямщики.

Въ городѣ получаются въ складчину цѣ-

сколько газетъ: «Новое Время», «Свѣтъ», «Петербургская Газета» и однѣ «Биржевыя Вѣдомости», или какъ здѣсь ихъ зовутъ—«Биржевикъ». Раньше и «Биржевикъ» выписывался въ двухъ экземплярахъ, но однажды начальникъ городского училища очень рѣзко заявилъ учителю географіи и исторіи Кшарисову, что—«одно изъ двухъ—либо служить во ввѣренномъ мнѣ училищѣ, либо предаваться чтенію революціонныхъ газетъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ»...

***

Вотъ въ этомъ-то городкѣ, въ концѣ января, непогожимъ метелистымъ вечеромъ я сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ гостиницѣ «Орелъ», или по тамошнему «Тараканья Щель», гдѣ я былъ единственнымъ постояльцемъ. Изъ оконъ дуло, въ ночной трубѣ завывалъ то басомъ, то визгливымъ сопрано разгулявшійся вѣтеръ. Унылымъ колеблющимся пламенемъ свѣтила тоненькая, оплывшая съ одного бока свѣча. Я сумрачно глядѣлъ на огонь, а съ бревенчатыхъ стѣнъ меня созерцали, важно шевеля усищами, рыжіе, серьезные, неподвижные

тараканы. Окаянная мертвая, зеленая скука обволокла паутиной мой мозгъ и парализовала тѣло. Что было дѣлать до ночи? Книгъ со мною не было, а тѣ номера газетъ, въ которые были завернуты мои вещи и дорожная провизія, я прочиталъ столько разъ, что заучилъ ихъ наизусть.

И я грустно размышлялъ, какъ мнѣ поступить: пойти ли въ клубъ, или послать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ за книжкой, хотя бы за спеціально медицинской къ городскому врачу или за уставомъ о наложеніи наказаній къ мировому судьѣ, или къ лѣсничему за руководствомъ по дендрологіи.

Но кто же не знаетъ этихъ захолустныхъ городскихъ клубовъ, или, иначе, гражданскихъ собраній? Обшарпанные обои, висящіе лохмотьями, зеркала и олеографіи, засиженныя мухами, заплеванный полъ; по всѣмъ комнатамъ запахъ кислаго тѣста, сырости нежилого дома и карболки изъ клозета. Въ залѣ два стола заняты преферансомъ, и тутъ же рядомъ, на маленькихъ столикахъ, водка и закуска, такъ, чтобы удобно было, держа одной рукой карты, другой потянуться въ миску за огурцомъ.

Игроки держатъ карты подъ столомъ, или въ горсточкѣ, прикрывая ихъ обѣими ладонями, но и это не помогаетъ, потому что ежеминутно раздаются возгласы: «Прошу васъ, Сысой Петровичъ, вы ужъ, пожалуйста, у меня въ картахъ не ночуйте».

Въ билліардной письмоводитель земскаго начальника играетъ въ пирамидку съ маркеромъ огромными, изубренными временемъ, громыхающими на ходу шарами, дуетъ съ своимъ партнеромъ водку и сыплетъ спеціальными билліардными поговорками. Въ передней, подъ лампой съ граненымъ рефлекторомъ, сидя на стулѣ, сложивъ руки на животѣ и широко разинувъ ротъ, сладко храпитъ услужающій мальчикъ. Въ буфетѣ упиваются кавказскимъ коньякомъ два акцизныхъ надзирателя, ветеринаръ, помощникъ пристава и агрономъ, пьютъ на ты, обнимаются, цѣлуются мокрыми мохнатыми ртами, поливая другъ другу шеи и сюртуки виномъ, поютъ вразбродъ «Не осенній мелкій дождичекъ» и при этомъ каждый дирижируетъ, а къ одиннадцати часамъ двое изъ нихъ непремѣнно подерутся, и натаскаютъ другъ у друга изъ головы кучу волосъ.

«Нѣтъ,—рѣшилъ я,—пошлю лучше къ городскому врачу за книжкой».

Но какъ разъ въ эту минуту въ номеръ вошелъ босой коридорный мальчуганъ Ѳедька съ запиской отъ самого доктора, который въ дружески-веселомъ духѣ просилъ меня къ себѣ на вечерокъ, т. е. на чашку чая и на маленькій домашній винтишко, увѣряя, что будутъ только свои, что у нихъ вообще все попросту, безъ церемоній, что регалій, лентъ и фраковъ можно не надѣвать и, наконецъ, что супругой доктора получена отъ мамаши изъ Бѣлозерска замѣчательныхъ достоинствъ семга, изъ которой и будетъ сооруженъ пирогъ. «Sic»!—восклицалъ шутникъ докторъ въ припискѣ,—и теща на что-нибудь полезна!

Я быстро умылся, переодѣлся и пошелъ къ милѣйшему Петру Власовичу. Теперь уже не вѣтеръ, а свирѣпый ураганъ носился со страшной силой по улицамъ, гоня передъ собой тучи снѣжной крупы, больно хлеставшей въ лицо, и слѣпившей глаза. Я человѣкъ, какъ и большинство современныхъ людей, почти не вѣрующій, но мнѣ много пришлось изъѣздить по проселочнымъ зимнимъ путямъ, и потому въ такіе

вечера и въ такую погоду я мысленно молюсь: Господи, спаси и сохрани того, кто теперь потерялъ дорогу и кружится въ полѣ или въ лѣсу со смертельнымъ страхомъ въ душѣ.

Вечеръ у доктора былъ именно такой, какими бываютъ эти семейные вечерки повсюду въ провинціальной Россіи, отъ Обдорска до Крыжополя и отъ Лодейнаго Поля до Темрюка. Сначала пили тепленькимъ чаемъ съ домашнимъ печеньемъ, съ вонючимъ ромомъ и малиновымъ вареньемъ, мелкія косточки отъ котораго такъ назойливо вязнутъ въ зубахъ. Дамы сидѣли на одномъ концѣ стола и съ фальшивымъ оживленіемъ, кокетливо выпѣвая концы фразъ въ носъ, говорили о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и дровъ, о развращенности прислуги, о платьяхъ и вышивкахъ, о способахъ солки огурцовъ и шинкованія капусты. Когда онѣ прихлебывали чай изъ своихъ чашекъ, то каждая непремѣнно самымъ противоестественнымъ образомъ оттопыривала въ сторону мизинецъ правой руки, что, какъ извѣстно, считается признакомъ свѣтскаго тона и граціозной изнѣженности.

Мужчины сгрудились на другомъ кон-

цѣ. Здѣсь разговоръ шелъ о службѣ, о суровомъ и непочтительномъ къ дворянству губернаторѣ, о политикѣ, главнымъ же образомъ пересказывали другъ другу содержаніе сегодняшнихъ газетъ, всѣми ими уже прочитанныхъ. И смѣшно, и трогательно было слушать, какъ они проникновенно и прозорливо толковали о событіяхъ, происходившихъ мѣсяцъ-полтора тому назадъ, и горячились по поводу новостей, давно уже забытыхъ всѣми на свѣтѣ. Право, выходило такъ, точно всѣ мы живемъ не на землѣ, а на Марсѣ или на Венерѣ, или на другой какой-нибудь планетѣ, куда видимыя земныя дѣла достигаютъ черезъ огромные промежутки времени въ цѣлые недѣли, мѣсяцы и годы.

Затѣмъ, по заведенному издревле обычаю, хозяинъ сказалъ:

— А знаете ли что, господа? Оставимъ-ка этотъ лабиринтъ и сядемъ въ винтъ. Алексѣй Николаевичъ, Евгеній Евгеньевичъ, не угодно ли карточку?

И тотчасъ же кто-то отозвался фразой тысячелѣтней давности:

— Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ терять драгоцѣнное время?

Неиграющихъ оказалось только трое: лѣсничій Иванъ Ивановичъ Турченко, я и старая толстая дама, очень почтеннаго и добродушнаго вида, но совершенно глухая,— мамаша земскаго начальника. Хозяинъ долго уговаривалъ насъ устроиться выходящими и, наконецъ, съ видомъ лицемѣрнаго соболѣзнованія, рѣшился оставить насъ въ покоѣ. Правда, онъ нѣсколько разъ, въ тѣ минуты, когда была не его очередь сдавать, торопливо забѣгалъ къ намъ и, потирая руки, спрашивалъ: «Ну что? Какъ вы здѣсь? Не очень соскучились? Можетъ быть, вамъ прислать сюда винца, или пива?.. Нехорошо. Кто не пьетъ, не играетъ и не куритъ,— тотъ подозрительный элементъ въ обществѣ. А что же вы вашу даму не занимаете?»

Мы пробовали ее занимать. Заговорили сначала о погодѣ и о санномъ пути. Толстая дама кротко улыбнулась намъ и отвѣтила, что, правда, она, когда была помоложе, то играла въ мушку, или по нынѣшнему рамсъ но теперь забыла и даже въ картахъ плохо разбирается. Потомъ я проревѣлъ ей надъ ухомъ, что-то о здоровьи ея внучатъ, она ласково закивала головой и сказала

участливо: «Да, да, да, бываетъ, бываетъ у меня у самой къ дождю поясницу ломитъ», и достала изъ мѣшечка какое-то вязанье. Мы не рискнули больше приставать къ доброй старушкѣ.

У доктора былъ прекрасный, огромный диванъ, обитый нѣжной желтой кожей, въ которомъ такъ удобно было развалиться. Мы съ Турченко никогда не скучали, оставаясь вмѣстѣ. Насъ тѣсно связывали три вещи: лѣсъ, охота и любовь къ литературѣ. Мнѣ уже приходилось бывать съ нимъ разъ пятнадцать на медвѣжьихъ, лисьихъ и волчьихъ облавахъ и на охотахъ съ гончими. Онъ былъ прекраснымъ стрѣлкомъ и однажды при мнѣ свалилъ рысь съ верхушки дерева выстрѣломъ изъ штуцера на разстояніи болѣе трехсотъ шаговъ. Но охотился онъ только на звѣря, да еще на зайцевъ, на которыхъ даже ставилъ капканы, потому что отъ души ненавидѣлъ этихъ вредителей молодыхъ лѣсныхъ насажденій. Затаенной и, конечно, недостижимой его мечтой была охота на тигра. Онъ собралъ даже цѣлую библіотеку объ этомъ благородномъ спортѣ. На птицу онъ никогда не охотился и сурово запретилъ у себя

въ лѣсу всякую весеннюю охоту. «Мнѣ въ моемъ хозяйствѣ птица—первый помощникъ»,—говорилъ онъ серьезно. За такую чрезмѣрную строгость его недолюбливали.

Это былъ крѣпкій, маленькій, смуглолицый желчный холостякъ, съ горячими и насмѣшливыми черными глазами, съ сильной просѣдью въ черныхъ, растрепанныхъ волосахъ. Онъ былъ совсѣмъ одинокъ, настоящій бобыль, растерявшій давно всѣхъ родственниковъ и друзей дѣтства, и въ немъ до сихъ поръ еще сохранилось очень много тѣхъ безалаберныхъ и прекрасныхъ, грубыхъ и товарищескихъ качествъ, по которымъ такъ нетрудно узнать бывшаго студента лѣсного, нынѣ упраздненнаго, факультета знаменитой когда-то Петровской академіи, что процвѣтала въ сельцѣ Петровско-Разумовскомъ подъ Москвой.

Онъ очень рѣдко показывался въ уѣздномъ свѣтѣ, потому что три четверти жизни проводилъ въ лѣсу. Лѣсъ былъ его настоящей семьею и, кажется, единственной страстной привязанностью въ жизни. Въ городѣ надъ нимъ за глаза посмѣивались и считали чудакомъ. Имѣя полную и безконтрольную возможность подторговывать въ

свою пользу лѣсными дѣлянками, отводимыми на срубъ, онъ жилъ только на свое полутораста рублевое жалованье, жалованье—поистинѣ нищенское, если принять во вниманіе ту культурную, отвѣтственную и глубоко-важную работу, которую самоотверженно несъ на своихъ плечахъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ этотъ удивительный Иванъ Ивановичъ. Право, только среди чиновъ лѣсного корпуса, въ этомъ распрозабытомъ изъ всѣхъ забытыхъ вѣдомствъ, да еще среди земскихъ врачей, загнанныхъ, какъ почтовыя клячи, мнѣ и приходилось встрѣчать этихъ чудаковъ, фанатиковъ дѣла и безсребренниковъ.

Много лѣтъ тому назадъ Турченко подалъ въ военное министерство докладную записку о томъ, что, въ случаѣ оборонительной войны, лѣсники, благодаря прекрасному знанію мѣстности, могутъ очень пригодиться арміи, какъ развѣдчики и какъ проводники партизанскихъ отрядовъ, и потому предложилъ комплектовать мѣстную стражу изъ людей, окончившихъ спеціальные шестимѣсячные курсы. Ему, конечно, какъ водится, ничего не отвѣтили. Тогда онъ, на собственный рискъ и совѣсть,

обучилъ практически всѣхъ своихъ лѣсниковъ компасной и глазомѣрной съемкѣ, развѣдочной службѣ, устройству засѣкъ и волчьихъ ямъ, системѣ военныхъ донесеній, сигнализаціи флажками и огнемъ и многимъ другимъ основамъ партизанской войны. Ежегодно онъ устраивалъ подчиненнымъ состязанія въ стрѣльбѣ и выдавалъ призы изъ своего скуднаго кармана. На службѣ онъ завелъ дисциплину, болѣе суровую, чѣмъ морская, хотя въ то же время былъ кумомъ и посаженнымъ отцомъ у всѣхъ лѣсниковъ.

Подъ его надзоромъ и охраной было 27 тысячъ десятинъ казеннаго лѣса, да еще, по просьбѣ милліоперовъ братьевъ Солодаевыхъ, онъ присматривалъ за ихъ громадными, прекрасно сохраненными лѣсами въ южной части уѣзда. Но и этого ему было мало: онъ самовольно взялъ подъ свое покровительство и всѣ окрестные, смежные и черезполосные крестьянскіе лѣса. Совершая для крестьянъ за гроши, а чаще безвозмездно разныя межевыя работы и лѣсообходныя съемки, онъ собиралъ сходы, говорилъ горячо и просто о великомъ значеніи въ сельскомъ хозяйствѣ большихъ лѣсныхъ

площадей и заклиналъ крестьянъ беречь лѣсъ пуще глаза. Мужики его слушали внимательно, сочувственно кивали бородами, вздыхали, какъ на проповѣди деревенскаго попа, и поддакивали: «это ты вѣрно... что и говорить... правда ваша, господинъ лѣсничынъ... Мы что? Мы мужики, люди темные»...

Но ужъ давно извѣстно, что самыя прекрасныя и полезныя истины, исходящія изъ устъ г. лѣсничына, г. агромона и другихъ интеллигентныхъ радѣтелей, представляютъ для деревни лишь простое сотрясеніе воздуха.

На другой же день добрые поселяне пускали въ лѣсъ скотъ, объѣдавшій дочиста молодпякъ, драли лыко съ нѣжныхъ, неокрѣпшихъ деревьевъ, валили для какого-нибудь забора, или оконницы строевыя ели, просверливали стволы березъ для вытяжки весенняго сока на квасъ, курили въ сухостойномъ лѣсу и бросали спички на сѣрый высохшій мохъ, вспыхивающій, какъ порохъ, оставляли непогашенными костры, а мальчишки-пастушонки, тѣ безсмысленно поджигали у сосенъ дупла и трещины, переполненныя смолою, поджигали только

для того, чтобы посмотрѣть, какимъ веселымъ, бурливымъ пламенемъ горитъ янтарная смола.

Онъ упрашивалъ сельскихъ учителей внѣдрять ученикамъ уваженіе и любовь къ лѣсу, подбивалъ ихъ вмѣстѣ съ деревенскими батюшками,—и, конечно, безплодно,—устраивать праздники лѣсонасажденія, приставалъ къ исправникамъ, земскимъ начальникамъ и мировымъ судьямъ по поводу хищническихъ порубокъ, а на земскихъ собраніяхъ такъ надоѣлъ всѣмъ своими пылкими рѣчами о защитѣ лѣсовъ, что его перестали слушать. «Ну, понесъ философъ свой обычный вздоръ»,—говорили земцы и уходили курить, оставляя Турченку разглагольствовать, подобно проповѣднику Бедѣ, передъ пустыми стульями.

Но ничто не могло сломить энергіи этого упрямаго хохла, пришедшагося не по шерсти сонному городишкѣ. Онъ, по собственному почину, укрѣплялъ кустарникомъ рѣчные берега, сажалъ хвойныя деревья на песчаныхъ пустыряхъ и облѣсялъ овраги. На эту тему мы и говорили съ нимъ, свернувшись на обширномъ докторскомъ диванѣ.

— Въ оврагахъ у меня теперь столько нанесло снѣгу, что лошадь уйдетъ съ дугой. А я радуюсь, какъ ребенокъ. Въ семь лѣтъ я поднялъ весеннюю высоту воды въ нашей поганой Ворожѣ на четыре съ половиной фута. Ахъ, если бы мнѣ да рабочія руки! Если бы мнѣ дали большую неограниченную власть надъ здѣшними лѣсами. Черезъ нѣсколько лѣтъ я бы сдѣлалъ Мологу судоходной до самыхъ истоковъ и поднялъ бы повсюду въ районѣ урожайность хлѣбовъ на пятьдесятъ процентовъ. Клянусь Господомъ Богомъ, въ двадцать лѣтъ можно сдѣлать Днѣпръ и Волгу самыми полноводными рѣками въ мірѣ,—и это будетъ стоить копейки! Можно увлажнить посадкой лѣса и оросить арыками самыя безводныя губерніи. Только сажайте лѣсъ. Берегите лѣсъ. Осушайте болота, но съ толкомъ...

— А что же ваше министерство смотритъ?—спросилъ я лукаво.

— Наше министерство—это министерство непротивленія злу,—отвѣтилъ Турченко съ горечью.—Всѣмъ все равно. Когда я ѣду по желѣзной дорогѣ и вижу сотни поѣздовъ, нагруженныхъ лѣсомъ, вижу на

станціяхъ необозримыя штабели дровъ,—мнѣ просто плакать хочется. И сдѣлай я сейчасъ доступными для плотовъ наши лѣсныя рѣчонки,—всѣ эти Звани, Ижины, Холменки, Ворожи,—знаете ли, что будетъ? Черезъ два года уѣздъ станетъ голымъ мѣстомъ. Помѣщики моментально сплавятъ весь лѣсъ въ Петербургъ и за границу. Честное слово, у меня иногда руки опускаются и голова трещитъ. Въ моей власти самое живое, самое прекрасное, самое плодотворное дѣло, и я связанъ, я ничего не смѣю предпринять, я никѣмъ не понятъ, я смѣшонъ, я безпокойный человѣкъ, надоѣло. Тяжело. Посмотрите, что ихъ всѣхъ интересуетъ: поѣсть, поспать, выпить, поиграть въ винтишко. Ничего не любятъ: ни родины, ни службы, ни людей,—любятъ только своихъ сопливыхъ ребятишекъ. Никого ничѣмъ не разбудишь, не заинтересуешь. Кругомъ пошлость. Знаешь напередъ, кто что скажетъ при любомъ обстоятельствѣ. Всѣ оскудѣли умами, чувствами, даже простыми человѣческими словами...

Мы замолчали. Изъ гостиной съ четырехъ столовъ доносились до насъ возгласы играющихъ:

«Скажу, пожалуй, малю-у-усенькіе трефишки».

«Подробности письмомъ, Евграфъ Плотонычъ».

«Пять безъ козырей?»

«Подвинчиваете?»

«Наше дѣло-съ».

«Рискнемъ... Малютка, шлемъ нося».

«Ваша игра. Мы въ кусты».

«Да-а, куплено. Ни одного человѣческаго лица. Такъ и будетъ, какъ купили».

«Игра высокаго давленія».

«Что? Стала она призадумывать себя?»

«Василь Львовичъ, больше четверти часа думать не полагается. Захаживайте».

«Ваше превосходительство, карты поближе къ орденамъ. Я вашего валета бубенъ вижу».

«А вы не глядите»...

«Не могу, съ дѣтства такая привычка, если кто вѣеромъ карты держитъ».

«Не угодно ли вамъ сей финикъ раскусить?»

Турченко нагнулся ко мнѣ, улыбаясь, и сказалъ:

— Сейчасъ кто-нибудь скажетъ: «не

ходи одна, ходи съ маменькой», а другой замѣтитъ: «вѣрно, какъ въ аптекѣ».

«Какіе же вы мнѣ черви показывали? Валетъ самъ третей съ фосками? Это поддержка по вашему?»

«Я думалъ»...

«Думалъ индѣйскій пѣтухъ, да и тотъ подохъ отъ задумчивости».

«А вы зачѣмъ своего туза засолили? Мариновать его думаете?»

«Не съ чего, такъ съ бубенъ!»

«А что вы думаете объ этой прекрасной дамѣ?»

«А мы ее козыремъ».

«Правильно,—одобрилъ густымъ баритономъ соборный священникъ,—не ходи одна, ходи съ провожатымъ».

«Позвольте, позвольте, да вы, кажется, давеча козыря не давали?»

«Оставьте, батенька... Ребенка пришлите, не обсчитаемъ... У насъ вѣрно, какъ въ палатѣ мѣръ и вѣсовъ».

— Слушате, Иванъ Ивановичъ,—обратился я къ лѣсничему,—а не удрать ли намъ? Знаете, по-англійски, не прощаясь.

— Что вы, что вы, дорогой мой. Уйти безъ ужина, да еще, не прощаясь. Худшаго

оскорбленія для хозяина трудно придумать. Во вѣкъ вамъ не забудутъ. Прослывете невѣжей и зазнавайкой.

Но толстый Петръ Власовичъ, еще больше разбухшій и сизо-побагровѣвшій отъ жары, долгаго сидѣнья и счастливой игры, уже всталъ отъ картъ и говорилъ, обходя игроковъ:

— Господа, господа... Пирогъ стынетъ и жена сердится. Господа, послѣдняя партія.

Гости выходили изъ-за столовъ, и, въ веселомъ предвкушеніи выпивки и закуски, шумно толпились во всѣхъ дверяхъ. Еще не утихали карточные разговоры: «Какъ же это вы, благодѣтель, меня не поняли? Я вамъ, кажется, ясно, какъ пальцъ, сказалъ по первой рукѣ бубны. У васъ дама, десятка—самъ четвертъ». «Вы, моя прелесть, обязаны были меня поддержать. А лѣзете на-безъ-козырей! Вы думаете, я вашихъ тузовъ не зналъ?» «Да, позвольте же, мнѣ не дали разговориться, вотъ они какъ взвинтили». «А вы — рвите у нихъ. На то и винтъ. Трусы въ карты не играютъ»...

Наконецъ, хозяйка произнесла: «Господа, милости прошу закуситъ». Всѣ потяну-

лись въ столовую, со смѣшкомъ, съ шуточками, возбужденно потирая руки. Стали разсаживаться. «Мужья и жены врозь»,—командовалъ весельчакъ хозяинъ.—«Они и дома другъ другу надоѣли». И при помощи жены онъ такъ перетасовалъ гостей, что парочки, склонныя къ флирту, или соединенныя давнишней, всему городу извѣстной связью, очутились вмѣстѣ. Эта милая предупредительность всегда принята на семейныхъ вечерахъ, и потому нерѣдко, нагнувшись за упавшей салфеткой, одинокій наблюдатель увидитъ подъ столомъ переплетенныя ноги, а также руки, лежащія на чужихъ колѣняхъ.

Пили очень много—мужчины «простую», «слезу», «государственную», дамы—рябиновку; пили за закуской, за пирогомъ, зайцемъ и телятиной. Съ самаго начала ужина закурили, а послѣ пирога стало шумно и дымно и въ воздухѣ замелькали руки съ ножами и вилками.

Говорили о закускахъ и разныхъ удивительныхъ блюдахъ съ видомъ заслуженныхъ гастрономовъ. Потомъ объ охотѣ, о замѣчательныхъ собакахъ, о легендарныхъ лошадяхъ, о протодьяконахъ, о пѣвицахъ, о

театрѣ и, наконецъ, о современной литературѣ.

Театръ и литература—это неизбѣжные коньки всѣхъ русскихъ обѣдовъ, ужиновъ, журфиксовъ и файф'о'клоковъ. Вѣдь, каждый обыватель когда-нибудь да игралъ на любительскомъ спектаклѣ, а въ золотые дни студенчества неистовствовалъ на галеркѣ въ столичномъ театрѣ. Точно такъ же каждый въ свое время писалъ въ гимназіи сочиненіе на тему «Сравнительный очеркъ воспитанія по «Домострою» и по «Евгенію Онѣгину», и кто же не писалъ въ дѣтствѣ стиховъ и не сотрудничалъ въ ученическихъ газетахъ? Какая дама не говоритъ съ очаровательной улыбкой: «Представьте, я вчера ночью написала огромное письмо моей кузинѣ—шестнадцать почтовыхъ листовъ кругомъ и мелко-мелко, какъ бисеръ. И это, вообразите, въ какой нибудь часъ, безъ единой помарки! Замѣчательно интересное письмо. Я нарочно попрошу Надю прислать мнѣ его и прочту вамъ. На меня какъ будто нашло вдохновеніе. Какъ-то странно горѣла голова, дрожали руки, и перо точно само бѣгало по бумагѣ». И какая изъ провинціальныхъ дамъ и дѣвицъ не довѣряла

вамъ для чтенія вслухъ вдвоемъ своихъ классныхъ дневниковъ, поминутно вырывая у васъ тетрадку и восклицая, что здѣсь нельзя читать?

Говорить, ходить по сценѣ и писать—всѣмъ кажется такимъ легкимъ, пустяшнымъ дѣломъ, что эти два, самыя доступныя, повидимому, своею простотой, но поэтому и самыя трудпѣйшія, сложныя и мучительныя изъ искусствъ—театръ и художественная литература—находятъ повсемѣстно самыхъ суровыхъ и придирчивыхъ судей, самыхъ строптивыхъ и пренебрежительныхъ критиковъ, самыхъ злобныхъ и наглыхъ хулителей.

Мы съ Турченкомъ сидѣли на концѣ стола и только слушали со скукой и раздраженіемъ этотъ безпорядочный, самоувѣренный, крикливый разговоръ, поминутно сбивавшійся на клевету и сплетню, на подсматриваніе въ чужія спальни. Лицо у Турченко было усталое и точно побурѣло изжелта.

— Нездоровится?—спросилъ я тихо.

Онъ поморщился.

— Нѣтъ... такъ... ужъ очень надоѣло... Все одно и то же долбятъ... дятлы.

Мировой судья, помѣщавшійся по правую руку отъ хозяйки, отличался очень длинными ногами и необыкновенно короткимъ туловищемъ. Поэтому, когда онъ сидѣлъ, то надъ столомъ, подобно музейнымъ бюстамъ, возвышались только его голова и половина груди, а концы его пышной раздвоенной бороды нерѣдко окунались въ соусъ. Пережевывая кусокъ зайца, онъ говорилъ съ вѣскими паузами, какъ человѣкъ, привыкшій къ общему вниманію, и убѣдительно подчеркивалъ слова движеніями вилки, зажатой въ кулакъ:

— Не понимаю теперешнихъ писателей... Извините. Хочу понять и не могу... отказываюсь. Либо балаганъ, либо порнографія... Какое-то издѣвательство надъ публикой... Ты, молъ, заплати мнѣ рубль-цѣлковый своихъ кровныхъ денегъ, а я за это тебѣ покажу срамную ерунду.

— Ужасъ, ужасъ, что пишутъ!—простонала, схватившись за виски, жена акцизнаго надзирателя, уѣздная Мессалина, не обходившая вниманіемъ даже своихъ кучеровъ.—Я всегда мою руки съ одеколономъ послѣ ихъ книгъ. И подумать,

что такая литература попадаетъ въ руки нашимъ дѣтямъ!

— Совершенно вѣрно! — воскликнулъ судья и утонулъ бакенбардами въ красной капустѣ.—А, главное, причемъ здѣсь творчество? Вдохновеніе? Ну, тотъ, какъ его... полетъ мысли? Такъ и я напишу... такъ каждый изъ насъ напишетъ... такъ мой письмоводитель настряпаетъ, на что ужъ идіотъ совершеннѣйшій. Возьми перетасуй всѣхъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, какъ колоду картъ, и выбрасывай попарно. Братъ влюбляется въ сестру, внукъ соблазняетъ собственнаго дѣдушку... Или вдругъ безумная любовь къ ангорской кошкѣ, или къ дворникову сапогу... Ерунда и чепуха!

— А все это революція паршивая виновата,—сказалъ земскій начальникъ, человѣкъ съ необыкновенно высокимъ узкимъ лбомъ и длиннымъ лицомъ, котораго за наружность еще въ полку прозвали кобылячьей головой.—Студенты учиться не хотятъ, рабочіе бунтуютъ, повсемѣстно развратъ. Бракъ не признаютъ. «Любовь должна быть свободна». Вотъ вамъ и свободная любовь.

— А главное—жиды!—прохрипѣлъ съ

трудомъ сѣдоусый, задыхающійся отъ астмы помѣщикъ Дудукинъ.

— И масоны,—добавилъ твердо исправникъ, выслужившійся изъ городовыхъ, миролюбивый взяточникъ, игрокъ и хлѣбосолъ, собственноручно подававшій губернатору калоши при его проѣздѣ.

— Масоны не знаю, а жиды знаю,—сердито уперся Дудукинъ.—У нихъ кагалъ. У нихъ одинъ пролѣзъ—другого потащилъ. Непремѣнно подписываются русскими фамиліями, и нарочно про Россію мерзости пишутъ, чтобы декри... дескри... декрити... ну, какъ его!.. словомъ, чтобы замарать честь русскаго народа.

А судья продолжалъ долбить свое, разводя руками, съ зажатыми въ нихъ вилкой и ножемъ и опрокидывая бородой рюмку:

— Не понимаю, и не понимаю. Выверты какіе-то.. Вдругъ ни съ того ни съ сего «О, закрой свои блѣдные ноги». Это что же такое, я васъ спрашиваю? Что сей сонъ значитъ? Ну, хорошо, и я возьму и напишу: «ахъ, спрячь твой красный носъ!» и точка. И все. Чѣмъ же хуже, я васъ спрашиваю?

— Или еще: въ небеса запустилъ ананасомъ,—поддержалъ кто-то.

— Да-съ, именно ананасомъ,—разсердился судья.—А вотъ я на-дняхъ прочиталъ у самаго нѣкняго моднаго: «летаетъ буревѣстникъ, черной молніи подобный». Какъ? Почему? Гдѣ же это, позвольте спросить, бываетъ черная молнія? Кто изъ насъ видѣлъ молнію чернаго цвѣта? Чушь!

Я замѣтилъ, что при послѣднихъ словахъ Турченко быстро поднялъ голову. Я оглянулся на него. Его лицо освѣтилось странной улыбкой—ироническою и вызывающей. Казалось, что онъ хочетъ что-то возразить. Но онъ промолчалъ, дрогнулъ сухими скулами и опустилъ глаза.

— А главное, о чемъ пишутъ?—вдругъ заволновался, точно мгновенно вскипѣвшее молоко, молчаливый страховой агентъ.—Тамъ—символъ символомъ, это ихъ дѣло, но мнѣ вовсе не интересно читать про пьяныхъ босяковъ, про воришекъ, про... извините, барыни, про разныхъ тамъ проститутокъ и прочее...

— Про повѣшенныхъ тоже,—подсказалъ акцизный надзиратель,—и про анархистовъ и еще про палачей.

— Вѣрно,—одобрилъ судья.—Точно у нихъ нѣтъ другихъ темъ. Писали же раньше

ше... Пушкинъ писалъ, Толстой, Аксаковъ, Лермонтовъ. Красота! Какой языкъ. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, свѣтятъ звѣзды»...—Эхъ, чортъ, какой языкъ былъ, какой слогъ!

— Удивительно!—сказалъ инспекторъ народныхъ училищъ, блестя умиленными глазками изъ-подъ золотыхъ очковъ и потряхивая острой рыженькой бородкой.—Поразительно! А Гоголь! Божественный Гоголь! Помните у него...

И вдругъ онъ загудѣлъ глухимъ, могильнымъ, завывающимъ голосомъ и вслѣдъ за нимъ также затянулъ нараспѣвъ земскій начальникъ:

— «Чу-уденъ Днѣ-ѣпръ при ти-ихой пого-о-дѣ, когда вольно и пла-авно...». Ну, гдѣ найдешь еще такую красоту и музыку словъ!..

Соборный священникъ сжалъ свою окладистую сивую бороду въ кулакъ, прошелъ по ней до самаго конца и сказалъ, упирая на «о».

— Изъ духовныхъ были также почтенные писатели: Левитовъ, Лѣсковъ, Помяловскій. Особенно послѣдній. Обличалъ, но съ любовію... хо, хо, хо... вселенская сказъ...

на воздусяхъ... Но о духовномъ пѣніи такъ писалъ, что и до сей поры, читая, невольно прольешь слезу.

— Да, папа русская литература,— вздохнулъ инспекторъ,—пала! А раньше-то? А Тургеневъ? А? Какъ хороши, какъ свѣжи были розы... Теперь такъ ужъ не напишутъ.

— Куда!—прохрипѣлъ дворянинъ Дудукинъ.—Прежде дворяне писали, а теперь пошелъ разночинецъ.

Робкій начальникъ почтовой конторы вдругъ зашепелявилъ:

— Однако, теперь они какіе деньги-то гребутъ! Ай-ай-ай... страшно вымолвить... Мнѣ племянникъ студентъ лѣтомъ разсказывалъ. Рубль за строку, говоритъ. Какъ новая строка—рубль. Напримѣръ: «въ комнату вошелъ графъ»—рубль. Или просто съ новой строки «да»—и рубль. По полтиннику за букву. Или даже еще больше. Скажемъ, героя романа спрашиваютъ: кто отецъ этого прелестнаго ребенка? А онъ коротко отвѣчаетъ съ гордостью: Я. И пожалуйте: рубль въ карманѣ.

Вставка начальника почтовой конторы точно открыла шлюзъ вонючему болоту

сплетни. Со всѣхъ сторонъ посыпались самыя достовѣрныя свѣдѣнія о жизни и заработкахъ писателей. Такой-то купилъ на Волгѣ старинное княжеское имѣніе въ четыре тысячи десятинъ съ усадьбою и дворцомъ. Другой женился на дочери нефтепромышленника и взялъ четыре милліона приданаго. Третій пишетъ всегда пьянымъ и выпиваетъ въ день дюжину шампанскаго, а закусываетъ только одной зернистой икрой. Четвертый отбилъ жену своего лучшаго друга, а двое декадентовъ, тѣ просто по взаимному уговору помѣнялись женами. Кучка модернистовъ составила тѣсный содомскій кружокъ, извѣстный всему Петербургу, а одинъ знаменитый поэтъ странствуетъ по Азіи и Америкѣ съ цѣлымъ гаремомъ, состоящимъ изъ женщинъ всѣхъ націй и цвѣтовъ.

Теперь говорили всѣ разомъ и ничего нельзя было разобрать. Ужинъ подходилъ къ концу. Въ недопитыхъ рюмкахъ и въ тарелкахъ съ недоѣденнымъ лимоннымъ желе торчали окурки. Гости наливались пивомъ и виномъ. Священникъ разлилъ на скатерть красное вино и старался засыпать лужу солью, чтобы не было пятна,

а хозяйка уговаривала его съ милой улыбкой, кривившей правую половину ея рта вверхъ, а лѣвую внизъ:

— Да, оставьте, батюшка, зачѣмъ вамъ затруднять себя? Это отмоется.

Между дамами, подпившими рябиновки и наливки, уже нѣсколько разъ промелькнули неизбѣжныя шпильки и намеки. Исправничиха похвалила жену страхового агента за то, что она съ большимъ вкусомъ освѣжила свое прошлогоднее платье—«совсѣмъ и узнать нельзя». Страховиха отвѣтила съ нѣжной улыбкой, что она, къ сожалѣнію, не можетъ по два раза въ годъ выписывать себѣ новыя платья изъ Новгорода, что они съ мужемъ—люди, хотя бѣдные, но честные и что имъ неоткудова брать взятокъ. «Ахъ, взятки—это ужасная пошлость!—охотно согласилась исправничиха—и вообще на свѣтѣ много гадости, а вотъ еще бываетъ, что нѣкоторыхъ замужнихъ дамъ поддерживаютъ чужіе мужчины». Это замѣчаніе перебила уже акцизная надзирательница и заговорила что-то о губернаторскихъ калошахъ. Въ воздухѣ назрѣвала буря, и уже висѣлъ надъ головами обычный трагическій возгласъ: «моей ноги

не будетъ больше въ этомъ домѣ!», но находчивая хозяйка быстро предупредила катастрофу, вставъ изъ-за стола со словами:

— Прошу извинить, господа. Больше ничего нѣту.

Поднялась суматоха. Дамы съ пылкой стремительностью цѣловали хозяйку, мужчины жирными губами лобызали у нея руку и тискали руку доктора. Большая часть гостей вышла въ гостиную къ картамъ, но нѣсколько человѣкъ осталось въ столовой допивать коньякъ и пиво. Черезъ нѣсколько минутъ они запѣли фальшиво и въ унисонъ «не осенній мелкій дождичекъ» и каждый обѣими руками управлялъ хоромъ. Этимъ промежуткомъ мы съ лѣсничимъ воспользовались и ушли, какъ насъ ни задерживалъ добрѣйшій Петръ Власовичъ.

***

Вѣтеръ къ ночи совсѣмъ утихъ, и чистое, безлунное, синее небо играло серебряными рѣсницами яркихъ звѣздъ. Было призрачно свѣтло отъ того голубоватаго фосфорическаго сіянія, которое всегда излучаетъ изъ себя свѣжій, только что улегшійся снѣгъ.

Лѣсничій шелъ со мной рядомъ и что-то бормоталъ про себя. Я давно уже зналъ за нимъ эту его привычку разговаривать съ самимъ собою, свойственную многимъ людямъ, живущимъ въ безмолвьѣ—рыбакамъ, лѣсникамъ, ночнымъ караульщикамъ, а также тѣмъ, которые перенесли долголѣтнее одиночное заключеніе,—и я пересталъ обращать на эту привычку вниманіе.

— Да, да, да...—бросалъ онъ отрывисто изъ воротника шубы...—Глупо... Да... Гм... Глупо, глупо... И грубо... Гм...

На мосту черезъ Ворожу горѣлъ фонарь. Со всегдашнимъ страннымъ чувствомъ немного волнующей, пріятной бережности ступалъ я на ровный, прекрасный, ничѣмъ не запятнанный снѣгъ, мягко, упруго и скрипуче поддававшійся подъ ногою. Вдругъ Турченко остановился около фонаря и обернулся ко мнѣ.

— Глупо!—сказалъ онъ громко и рѣшительно.—Повѣрьте мнѣ, милый мой,—продолжалъ онъ, слегка прикасаясь къ моему рукаву,—повѣрьте, не режимъ правительства, не скудость земли, не наша бѣдность и темнота виноваты въ томъ, что мы, русскіе, плетемся въ хвостѣ всего міра. А

все это сонная, лѣнивая, ко всему равнодушная, ничего не любящая, ничего не знающая провинція, все равно—служащая. дворянская, купеческая или мѣщанская. Посмотрите на нихъ, на сегодняшнихъ. Сколько апломба, сколько презрѣнія ко всему, что внѣ ихъ куринаго кругозора! Такъ, походя, и развѣшиваютъ ярлыки: «срунда, чепуха, вздоръ, дуракъ»... Попугаи. И главное—онъ, видите ли, этого и этого не понимаетъ и, стало быть, это уже плохо и смѣшно. Такъ, вѣдь, онъ дифференціальнаго исчисленія не понимаетъ—значитъ и оно чепуха? И Пушкина не понимали. И Чехова недавно не понимали. Говорили о его степи: что за чушь—овечьи мысли! Да развѣ овцы думаютъ? «Цвѣты улыбались мнѣ въ тишинѣ, спросонокъ»... Ерунда! Развѣ цвѣты когда-нибудь смѣются. И нынче, вѣдь, тоже. «Я, говоритъ, самъ такъ напишу»...

— А насчетъ черной молніи?—спросилъ я.

— Да, да... «Гдѣ же это бываетъ черная молнія?» Премилый человѣкъ этотъ судья, но что онъ видѣлъ въ своей жизни? Онъ—школьный и кабинетный продуктъ... А я

вамъ скажу, что я самъ, собственными глазами, видѣлъ черную молнію и даже разъ десять подрядъ. Это было страшно.

— Вотъ какъ,—молвилъ я недовѣрчиво.

— Именно такъ. Я съ дѣтства въ лѣсу, на рѣкѣ, въ полѣ. Я видѣлъ и слышалъ поразительныя вещи, о которыхъ не люблю разсказывать, потому что, все равно, не повѣрятъ. Я, напримѣръ, наблюдалъ не только любовные хороводы журавлей, гдѣ всѣ они пляшутъ и поютъ огромнымъ кругомъ, а парочка танцуетъ посрединѣ,— я видѣлъ ихъ судъ надъ слабымъ передъ осеннимъ отлетомъ. Я, мальчишкой-реалистомъ живучи въ Полѣсьѣ, видѣлъ градъ съ большой мужской кулакъ величиною, гладкими ледышками, но не круглой формы, а въ видѣ какъ бы шляпки молодого бѣлаго гриба, и плоская сторонка слоистая. Въ пять минутъ этотъ градъ разбилъ всѣ окна въ большомъ помѣщичьемъ домѣ, оголилъ всѣ тополи и липы въ саду, а въ полѣ убилъ на смерть множество мелкаго скота и двухъ подпасковъ. Глубокой зимою въ день ужаснаго мессинскаго землетрясенія, утромъ, я былъ съ гончими у себя на Вильдинѣ. И, вотъ, часовъ въ 10—11, на совершенно без-

облачномъ небѣ вдругъ расцвѣла радуга. Она обоими концами касалась горизонта, была необыкновенно ярка и имѣла въ ширину градусовъ 45, а въ высоту 20—25. Подъ ней, такой же аркой, изгибалась другая радуга, но нѣсколько слабѣе цвѣтомъ, а дальше третья, четвертая, пятая, и все блѣднѣе и блѣднѣе—какой-то сказочный семицвѣтный коридоръ. Это продолжалось минутъ пятнадцать. Потомъ радуги растаяли, набѣжали мгновенно Богъ знаетъ откуда тучи, и повалилъ сплошной снѣжище.

Я видѣлъ лѣсные пожары. Я видѣлъ, какъ ураганъ валилъ пятисаженный сухостой. Да, я былъ тогда въ лѣсу съ объѣздчикомъ, лѣсниками и рабочими, и на моихъ глазахъ сотни громадныхъ деревьевъ валились, какъ спички. Тогда объѣздчикъ Нелидкинъ сталъ на колѣни и снялъ шапку. И всѣ сдѣлали то же самое. И я. Онъ читалъ «Отче нашъ», и мы крестились, но мы не слышали его голоса изъ-за треска падающихъ деревьевъ и ломающихся сучьевъ. Вотъ, что я видѣлъ въ своей жизни. Но также я видѣлъ и черную молнію, и это было ужаснѣе всего. Постойте,—перебилъ Турченко себя,—мы у моего дома. Зайдемъ ко

мнѣ. Михѣевна будетъ ругаться, но ничего. Я васъ за это угощу третьегодняшнимъ квасомъ. Сегодня, благословясь, почнемъ.

Михѣевна, старая суровая служанка лѣсничаго, и его чудный яблочный квасъ были извѣстны всему городу. Старуха приняла насъ строго и долго ворчала, бредя со свѣчей по комнатамъ и лазая по шкафамъ: «непутевые, полуночники, мало имъ дня, по ночамъ бродятъ, добрымъ людямъ спать не даютъ». Но квасъ былъ выше всѣхъ похвалъ. Онъ бродилъ долго сначала въ дубовой бочкѣ на хмелѣ и на дрожжахъ, съ изюмомъ, коньякомъ и какимъ-то ликеромъ, потомъ отстаивался три года въ подвалѣ и теперь былъ крѣпокъ, игралъ, какъ шампанское и весело и холодно сушилъ во рту, немного пьянилъ и въ то же время освѣжалъ.

— Вотъ, какъ это было,—говоритъ Турченко, расхаживая въ заячьей курточкѣ по своему кабинету, увѣшанному картинами съ изображеніемъ тигровъ.— Я, студентомъ, пріѣхалъ на каникулы въ самую глушь Тверской губерніи къ своему двоюродному брату Николаю, къ Кокѣ—такъ мы его называли. Онъ былъ когда-то блестя-

щимъ молодымъ человѣкомъ, съ лицейскимъ образованіемъ, съ большими связями и великолѣпной карьерой впереди, и прекрасно танцовалъ на настоящихъ свѣтскихъ балахъ, обожалъ актрисъ изъ французской оперетки и новодеревенскихъ цыганокъ, пилъ шампанское, по его словамъ, какъ крокодилъ, и былъ душой общества. Но въ одинъ мигъ, буквально въ мигъ, все Кокино благополучіе рухнуло. Однажды утромъ онъ проснулся и съ ужасомъ убѣдился въ томъ, что всю правую сторону его тѣла разбилъ параличъ. Изъ самолюбія и изъ гордости онъ обрекъ себя на добровольное изгнаніе и поселился въ деревнѣ.

Но онъ вовсе не утратилъ ясности и бодрости духа и съ легкой ироніей называлъ себя велосипедистомъ, потому что принужденъ былъ передвигаться, сидя въ креслѣ, которое сзади катилъ его слуга Яковъ. Онъ много ѣлъ и пилъ, много спалъ, писалъ на пишущей машинкѣ пресмѣшныя нецензурныя письма въ стихахъ и часто мѣнялъ деревенскихъ любовницъ, которымъ давалъ громкія имена королевскихъ фаворитокъ, вродѣ Ла-Вальеръ, Монтестана и Помпадуръ.

Однажды, заряжая или разряжая браунингъ, съ которымъ Кока никогда не разставался, онъ прострѣлилъ своему Якову ногу. По счастію пуля попала очень удачно, пройдя сквозь мякоть ляжки и пробивъ, кромѣ того, двѣ двери на вылетъ. Это событіе почему-то тѣсно сдружило барина и слугу. Они положительно не могли жить другъ безъ друга, хотя и ссорились нерѣдко: Кока, разсердясь, тыкалъ мѣтко Якову въ животъ костылемъ, а Яковъ тогда сбѣгалъ на нѣсколько часовъ изъ дому и не являлся на зовъ, оставляя Коку въ безпомощномъ состояніи.

Яковъ былъ въ душѣ прекрасный охотникъ: неутомимый, несмотря на свою хромоту, съ хорошей памятью мѣстности, съ большимъ знаніемъ тѣхъ неуловимыхъ причинъ, по которымъ угадываешь качество и количество дичи. Мы съ нимъ часто ходили на простую мужицкую, очень трудную охоту, т. е. безъ собаки, а съ подкраду, требующую большого вниманія и терпѣнія. Надо сказать, что Кока неохотно отпускалъ со мною Якова—безъ него онъ былъ, какъ безъ своихъ единственныхъ руки и ноги. Поэтому, чтобы выпросить Якова приходи-

лось прибѣгать къ хитростямъ. Ничто такъ не располагало Коку къ великодушію, какъ разспросы о его прежней, веселой жизни, когда онъ считался львомъ гостиныхъ и милымъ завсегдатаемъ шикарныхъ ресторановъ.

И такъ однажды, заведя эту Кокину шарманку и нальстивъ ему безъ всякой мѣры, я умудрился похитить Якова на цѣлую недѣлю. Попили мы съ нимъ въ дальнюю деревушку Бурцево, гдѣ у Коки были лѣсные участки и славныя болотца. Бурцовскій мужикъ Иванъ, онъ же и Кокинъ лѣсникъ, говорилъ, что на Высокомъ, въ Раменьѣ и на Блиновѣ развелось столько глухарей, тетерокъ, рябчиковъ, бекасовъ, дупелей и утокъ, что просто видимо-невидимо. «Хоть палкой бей, хоть шапкой накрывай».

Мы долго собирались, поздно вышли и пришли въ Бурцево къ вечерней зарѣ. Ивана не было, онъ, оказывается, ушелъ къ свояку въ Окунево, гдѣ праздновали престолъ. Приняла насъ его жена Авдотья, худая, пучеглазая баба, похожая лицомъ на рыбу, и такая веснусчатая, что бѣлая кожа только лишь кос-гдѣ, рѣдкими про-

блесками проступала на ея щекахъ сквозь коричневую маску.

Въ избѣ было душно, жужжало множество мухъ и пахло чѣмъ-то противно-кислымъ. Въ зыбкѣ верещалъ безъ умолку ребенокъ. Авдотья захлопотала.

— Мой-то еще не знаю — вернется, не вернется ли. Больно ладное пиво варятъ въ Окуневѣ. А гдѣ пиво—тамъ и Иванъ. Да вы погодите, кормильцы, я васъ своимъ пивомъ напою. На Спаса варила... Не гораздо густо пиво-то, доливали мы его, а вкусное было, да сладкое.

Она подняла за кольцо тяжелую крышку подвала, спустилась туда и черезъ минуту вылѣзла съ большимъ ковшомъ домашняго пива. Пока она разливала намъ его, я спросилъ, указавъ на кричавшаго младенца:

— Сколько мѣсяцевъ ребенку-то?

— Мѣ-ся-цевъ?—удивилась баба.—Что ты, кормилецъ, Господь съ тобой. Только вчера вечеромъ родила. Какой тамъ мѣсяцевъ? Вчера, ровно, вотъ въ это время родила. Кушайте, кормильцы, не знаю какъ звать-то васъ... Вчера только ро́дила. Вотъ какъ.

Я невольно сказалъ:

— Вотъ такъ фуитъ.

Но Яковъ замѣтилъ равнодушно и презрительно.

— Это имъ нипочемъ. Онѣ привычны. Имъ, какъ чихнуть.

Иванъ все не приходилъ, должно быть загулялъ. Пиво было теплое и въ немъ плавали мухи. На стѣны, ради невиданныхъ гостей, сползались изъ всѣхъ угловъ тараканы. Мы поглядѣли, посидѣли и пошли спать въ сарай на сѣно. Не люблю я спать на болотномъ сѣнѣ. Сучки какіе-то и толстые стебли прутъ въ спину, голова затекаетъ, въ носу крутитъ отъ мелкой сѣнной пыли, нельзя курить. Долго я не могъ заснуть и все прислушивался къ ночнымъ звукамъ: коровы и лошади гдѣ-то сильно и тяжело вздыхали, переступали ногами, ворочались и время отъ времени тяжело и густо шлепали, перепела кричали въ далекихъ росистыхъ овсахъ, скрипѣлъ своимъ деревяннымъ скрипомъ неутомимый дергачъ.

Заснулъ я передъ зарей, а встали мы очень поздно, въ восемь часовъ. Было уже жарко. День обѣщалъ быть знойнымъ. Небо простиралось блѣдное, томное, изнемо-

гающее, похожее цвѣтомъ на голубой выцвѣтшій и вылинявшій шелкъ.

Ивана все еще не было. Мы пошли одни. Сельцо—вѣрнѣе выселки— Бурцево состояло всего изъ трехъ дворовъ и расположилось на вершинѣ большого холма, по отлогостямъ котораго спускались пашни и поля. А подножіе холма упиралось въ болото, растянувшееся Богъ знаетъ на сколько сотъ, можетъ быть даже тысячъ, десятинъ. Верстахъ въ трехъ вдали виднѣлся волнистый синій хребетъ—сосновый лѣсъ на островкѣ Высокомъ, куда вела узкая извилистая непроѣзжая тропинка. Вся же остальная окрестность была сплошь покрыта мелкимъ кустарникомъ, среди котораго тамъ и сямъ блестѣли на солнцѣ, точно капли разбросанной ртути, изгибы мѣстныхъ болотистыхъ рѣчонокъ: Тристена, Холменки и Звани.

Тяжелый намъ выдался день. Парило невыносимо, и черезъ часъ мы были такъ мокры отъ пота, что хоть выжимай. Надоѣдливая микроскопическая мошкара вилась кучами надъ головой, залѣзала въ глаза, въ носъ, въ уши и доводила до безсильнаго бѣшенства, когда съ яростью хлопаешь се-

бя по щекамъ, размазывая насѣкомыхъ по лицу, какъ кашу.

Много разъ мы съ Яковомъ теряли другъ друга въ густомъ, мѣстами непроходимомъ кустарникѣ. Одинъ разъ сучекъ задѣлъ за собачку моего ружья, и оно нежданно выстрѣлило. Отъ мгновеннаго испуга и отъ громкаго выстрѣла у меня тотчасъ же разболѣлась голова и такъ и не переставала болѣть цѣлый день, до вечера. Сапоги промокли, въ нихъ хлюпала вода, и отяжелѣвшіе, усталые ноги каждую секунду спотыкались о кочки. Кровь тяжело билась подъ черепомъ, который мнѣ казался огромнымъ, точно разбухшимъ, и я чувствовалъ больно каждый ударъ сердца.

Приходилось то и дѣло переходить рѣченки, въ бродъ, или по лавамъ, которыя представляютъ изъ себя ничто иное, какъ два или три тонкихъ деревца, связанныхъ лыкомъ, или прутьями, переброшенныхъ поперекъ рѣки и укрѣпленныхъ нѣсколькими парами шаткихъ кольевъ, вколоченныхъ въ дно. Но всего непріятнѣе были переходы по открытымъ мѣстамъ, совсѣмъ голубымъ отъ безчисленныхъ незабудокъ, отъ которыхъ такъ остро, травянисто и при-

торно пахло. Здѣсь почва ходила и зыбилась подъ ногами, изъ-подъ ногъ, хлюпая, била фонтанчиками черная, вонючая вода.

Мы заблудились и лишь далеко за полдень добрались до Высокаго. Небо теперь было все въ тяжелыхъ, неподвижныхъ, пухлыхъ облакахъ. Мы поѣли холоднаго мяса съ хлѣбомъ, напились воды, пахнувшей ржавчиной и болотнымъ газомъ, потомъ развели изъ можжевельника ароматный костеръ отъ комаровъ и—самъ ужъ не знаю какъ это случилось—заснули внезапнымъ тяжелымъ сномъ.

Я первый проснулся. Все вокругъ страшно, грозно и жутко потемнѣло, а зелень болотнаго кустарника качалась и отливала сѣрой сталью. Все небо обложили громоздкія лиловыя и фіолетовыя тучи съ разорванными сѣрыми краями. Начиналъ вдали глухо ворчать громъ. Я заторопился.

— Ну, Яковъ, домой. Дай Богъ добраться. Ходу!

Но, сойдя съ острова, возвышавшагося среди болота, мы тотчасъ же заблудились и стали безъ толку бродить зигзагами по кустарнику, отступая въ сторону отъ

рѣкъ, обходя трясины и густыя чащобы, теряя другъ друга, спѣша, путаясь и сердясь.

Стало уже совсѣмъ темно, и громъ рокоталъ еще далеко, но уже не затихая ни на мгновеніе, когда Яковъ, шедшій впереди и казавшійся мнѣ издали темнымъ длиннымъ, неяснымъ, шатающимся столбомъ, вдругъ крикнулъ:

— Есть дорога!

Да, это была узкая, болотная дорога, кое-гдѣ укрѣпленная поперекъ хворостомъ, со слѣдами лошадинаго помета. И къ нашей радости мы тотчасъ услыхали невдалекѣ стукъ телѣги. Быстро-быстро, совсѣмъ замѣтно для глаза, надвигалась тьма. Только на западѣ, низко надъ землей, рдѣла узкая длинная кровавая полоса, отороченная сверху тесьмой изъ расплавленнаго золота.

Подъѣхала телѣга. Въ ней сидѣло двое: баба правила, дергая локтями и вытянувъ прямо передъ собою ноги, какъ умѣютъ сидѣть только деревенскія женщины, а старикъ, немного хмельной, дремалъ позади. Онъ проснулся, когда испугавшаяся насъ лошадь, стала храпѣть, артачиться и бокомъ лѣзть въ болото. Мы стали разспра-

шивать старика про дорогу на Бурцево. Но онъ тянулъ и мямлилъ:

— На Бурцево, вамъ, милые? А вы сами-то чьи будете?

— Ничьи. Изъ Демцына. Отъ Николая Всеволодыча.

— Знаемъ, знаемъ. Только вы, милые, не туда идете. Вамъ надо податься сейчасъ во-онъ куда, прямо на восходъ. Прямо по стрѣлябіи. Вы что же, рецдатели будете въ Демцынѣ?

— Нѣтъ, я проѣзжій, родичъ демцынскаго барина.

— А, такъ, такъ, такъ... Сродственникъ, значитъ? До Бурцева вамъ звона прямо куда. Такъ прямо по стрѣлябіи и вдаряйте. Съ охотой, значитъ, ходили?..

Но мы не успѣли отвѣтить. Изъ кустовъ послышалось пугливое кваканье, хлопанье мощныхъ крыльевъ, и шагахъ въ двадцати отъ насъ съ шумомъ поднялся большой тетеревиный выводокъ, чернѣя на алой полосѣ зари. Мы съ Яковомъ, почти одновременно выстрѣлили, не цѣлясь, разъ за разомъ изъ обоихъ стволовъ и, конечно, промахнулись. А телѣга уже мчалась отъ насъ, прыгая и кося боками на ухабахъ. Напрасно мы

бѣжалы за ней, крича старику остановиться. Онъ безъ шапки, стоя, нахлестывалъ кнутомъ лошаденку, длинный, тощій, несуразный и, со страхомъ оборачиваясь назадъ, кричалъ что-то злымъ шамкающимъ голосомъ.

Опять мы остались одни. Я предложилъ было не оставлять дороги, но Яковъ убѣдилъ меня въ томъ, что до Бурцева два шага, а что стариковская дорога ведетъ въ Ченцово, до котораго еще добрыхъ пятнадцать верстъ —и я согласился съ нимъ. И опять мы полѣзли въ черное, сырое болото. Сходя съ дороги, я обернулся назадъ. Красной полосы уже не было на небѣ, точно ее задернули занавѣсомъ; и мнѣ вдругъ сдѣлалось грустно и тоскливо. Не стало больше видно ничего: ни тучъ, ни кустарника, ни Якова, шедшаго со мною рядомъ—была одна мокрая, густая тьма. Сверкнула первая молнія—наверху загрохотало и оборвалось сухимъ трескомъ, за ней другая, третья. Потомъ пошло и пошло безъ перерыва.

Это была одна изъ тѣхъ ужасныхъ грозъ, которыя разражаются иногда надъ большими низменностями. Небо не вспыхивало отъ молній, а точно все сіяло ихъ тре-

пестрымъ голубымъ, синимъ и ярко-бѣлымъ блескомъ. И громъ не смолкалъ ни на мгновеніе. Казалось, что тамъ наверху идетъ какая-то бѣсовская игра въ кегли высотою до неба. Съ глухимъ рокотомъ катились тамъ неимовѣрной величины шары, все ближе, все громче и вдругъ тррахъ-та-та-трахъ— падали разомъ исполинскіе кегли.

И, вотъ, я увидалъ черную молнію. Я видѣлъ, какъ отъ молніи колыхало на востокѣ небо, не потухая и то развертываясь, то сжимаясь, и вдругъ на этомъ колеблющемся огнями голубомъ небѣ, я съ необычайной ясностью увидѣлъ мгновенную и ослѣпительно-черную молнію. И тотчасъ же вмѣстѣ съ ней страшный ударъ грома точно разорвалъ пополамъ небо и землю, и бросилъ меня внизъ, на кочки. Очнувшись, я услышалъ сзади себя дрожащій, слабый голосъ Якова.

— Баринъ, что же это Господи... Погибнемъ, Царица Небесная... Молнія... черная... Господи, Господи...

Я приказалъ ему сурово, собравъ всю послѣднюю силу воли:

— Вставай. Идемъ. Не почевать же здѣсь.

О, что это была за ужасная ночь. Эти черныя молніи наводили на меня необъяснимый животный страхъ. Я до сихъ поръ не могу понять причины этого явленія: была ли здѣсь ошибка нашего зрѣнія, напряженнаго безпрестанной игрой молніи по всему небу, имѣло ли особое значеніе случайное расположеніе тучъ, или свойства этой проклятой болотной котловины? Но иногда я чувствовалъ, что теряю съ каждой секундой разумъ и самообладаніе. Мнѣ, помню, все хотѣлось закричать дикимъ пронзительнымъ голосомъ, по-заячьи. И я все шелъ впередъ, лепеча Богу, точно перепуганный ребенокъ, несвязныя, нелѣпыя молитвы: «Миленькій Богъ, добрый, хорошій Богъ, спаси меня, прости меня. Я никогда не буду». И тутъ же, зацѣпившись за кочку, летѣлъ локтемъ въ жидкую грязь и остервенѣло ругался самыми скверными словами.

Вдругъ я услышалъ невдалекѣ голосъ Якова, страшный, захлебывающійся голосъ, отъ котораго я задрожалъ.

— Баринъ, утопаю... Спасите, Христа ради.. Тону... А-а-а!..

Я кинулся къ нему на слухъ и при непереносимомъ ослѣпительномъ свѣтѣ чер-

кой молніи увидѣлъ не его, а лишь его голову и туловище, торчащія изъ трясины. Никогда не забуду этихъ выпученныхъ, омертвѣлыхъ отъ безумнаго ужаса глазъ. Я никогда бы не повѣрилъ, что у человѣка глаза могутъ стать такими бѣлыми, огромными и чудовищно-страшными.

Я протянулъ ему стволъ ружья, держась самъ одной рукой за прикладъ, а другой за нѣсколько зажатыхъ вмѣстѣ вѣтвей ближняго куста. Мнѣ было не подъ силу вытянуть его. Ложись! Ползи!—закричалъ я съ отчаяніемъ. И онъ тоже отвѣтилъ мнѣ высокимъ звѣринымъ визгомъ, который я съ ужасомъ буду вспоминать до самой смерти. Онъ не могъ выбраться. Я слышалъ, какъ онъ шлепалъ руками по грязи, при блескѣ молній, я видѣлъ его голову все ниже и ниже у своихъ ногъ и эти глаза... глаза... Я не могъ оторваться отъ нихъ.

Подъ конецъ онъ уже пересталъ кричать и только дышалъ часто-часто. И когда опять разверзла небо черная молнія, ничего не было видно на поверхности болота.

Какъ я шелъ по колеблющимся, булькающимъ, вонючимъ трясинамъ, какъ залѣзалъ по поясъ въ рѣченки, какъ, наконецъ,

добрелъ до стога и какъ меня подъ утро нашелъ услышавшій мои выстрѣлы бурцевскій Иванъ, не стоитъ и говорить. Такъ-то, вотъ, дорогой мой... такая-то бываетъ черная молнія. Ну, давайте выпьемъ еще бутылочку моего сидра.

PG
3467
K8C4

Kuprin, Aleksandr Ivanovich
Chernaia molniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY